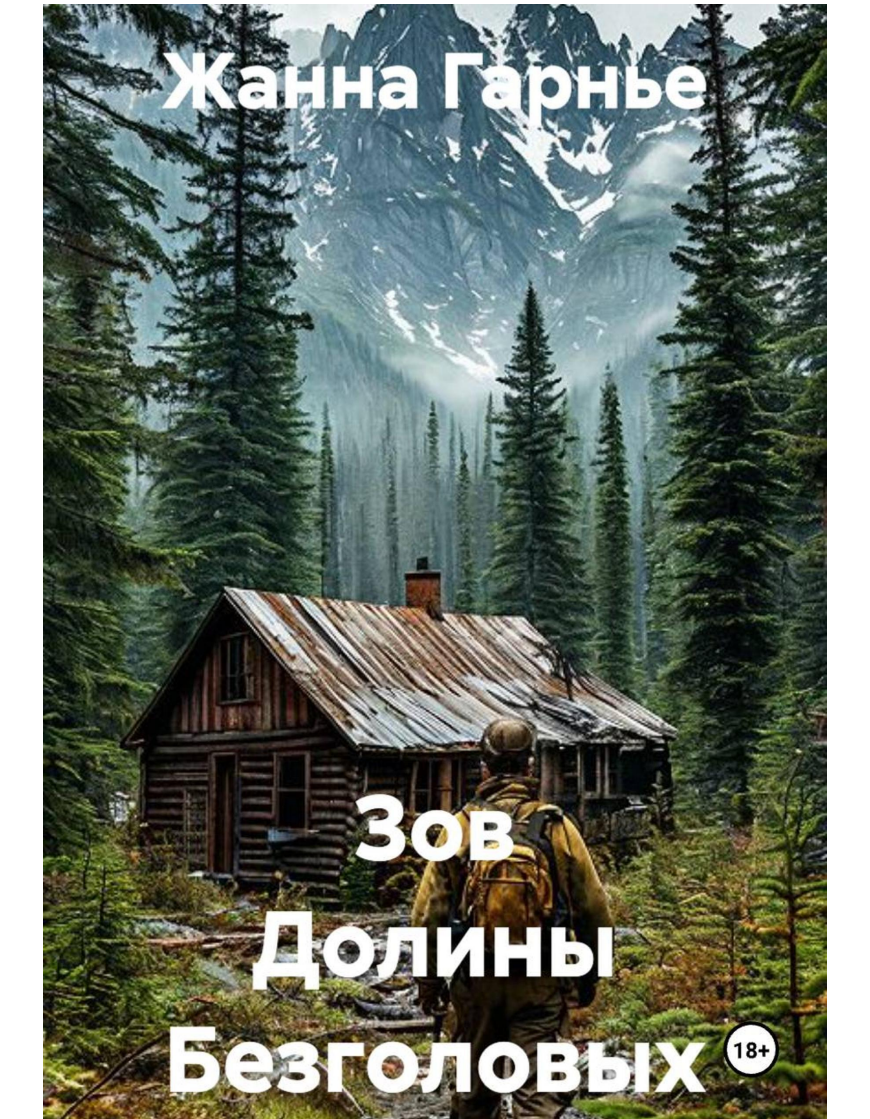

The background of the cover is a detailed illustration of a soldier in a green combat uniform and helmet, seen from behind, standing in a dense forest. In the middle ground, there is a small, rustic wooden cabin with a rusted metal roof and a chimney. The cabin is surrounded by tall evergreen trees. In the background, majestic snow-capped mountains rise above a layer of mist or low clouds. The overall atmosphere is mysterious and somber.

Жанна Гарнье

**Зов
Долины
Безголовых**

18+

Жанна Гарнье

Зов Долины Безголовых

<https://litres.ru/74310094>

SelfPub; 2026

Аннотация

Журналист Дэниел Коул чудом выживает в авиакатастрофе над глухим лесом на севере Канады. В заброшенной хижине он находит дневник старателя, который столетие назад пытался разгадать тайну Долины Безголовых — места, где бесследно исчезают люди. Дэниел собирает команду и отправляется в экспедицию, чтобы найти ответы. Но лес встречает их тишиной. И голосом, который зовёт их по имени. Один за другим его спутники исчезают. Дэниел остаётся один. Он идёт на зов, потому что больше нечего терять. Но пещера, из которой исходит страх, не убивает. Она превращает. Она оставляет одного, чтобы он стал другим. Тем, кто останется в Долине навсегда.

«Лес не отпускает тех, кто слышал зов».

Жанна Гарнье

Зов Долины Безголовых

ЗОВ ДОЛИНЫ БЕЗГОЛОВЫХ

Жанна Гарнье

ПРОЛОГ. ДНЕВНИК ТОМАСА УАЙТА

Запись №1. Сентябрь 1904 года

«Я прибыл в Форт-Лиард в начале лета. Слухи о золоте в долине Наханни ходили уже несколько лет. Говорили, что индейцы дене обходят эти места стороной. Они называют реку Нах-а-Дехе — "река земли народа наха". Наха — это племя, которое жило в горах и бесследно исчезло. Дене говорят, что их духи всё ещё там, в ущельях. Я не верил в духов. Я верил в золото. Я собрал команду из трёх человек: братья Маклеод, Вилли и Фрэнк, и молодой шотландский инженер по имени Роберт Вир. Они слышали те же слухи. Мы решили идти вместе. Я вёл дневник, чтобы записывать наши находки. Я не знал, что этот дневник станет моим единственным свидетельством».

Запись №2. Июнь 1905 года

«Мы шли вверх по реке Саут-Наханни уже две недели. Ме-

ста здесь дикие, нехоженые. Горы поднимаются прямо из воды, каньоны такие узкие, что солнце едва достаёт до дна. Местные проводники, которых мы наняли в Форт-Лиарде, отказались идти дальше после того, как мы миновали Второй Каньон. Они сказали, что дальше — земля духов, что ветер там воет голосами мёртвых. Мы посмеялись над ними. Теперь я понимаю, что они знали правду. Мы нашли золото у ручья, который позже назовут Голд-Крик. Вилли был в восторге. Он говорил, что мы разбогатеем и никогда больше не будем работать. Я смотрел на его лицо и видел в нём что-то, что меня пугало. Жадность. Она меняет людей. Делает их слабыми. Я не знал тогда, что это — первая трещина».

Запись №3. Август 1905 года

«Мы зазимовали в долине. Построили хижину из брёвен, запасли дрова и провизию. Вилли нашёл ещё больше золота. Он спрятал его в мешок и никому не говорил, сколько. Я видел, как он смотрит на остальных — как будто боится, что они украдут его находку. Однажды ночью я проснулся от странного звука. Кто-то плакал в лесу. Голос был женским, тонким, как у ребёнка. Я вышел из хижины и пошёл на него. В тумане я увидел силуэт. Женищина в белом платье, с распущенными волосами. Она манила меня рукой. Я хотел пойти, но что-то остановило меня. Я вспомнил, что говорили индейцы: "Никогда не иди на голос в Наханни. Это зов мёртвых наха". Я вернулся в хижину и не спал до утра.

На следующее утро я спросил остальных, слышали ли они что-то. Они сказали, что нет. Я не знаю, был ли этот голос настоящим или я просто сошёл с ума от одиночества».

Запись №4. Март 1906 года

«Зима выдалась суровой. Морозы стояли такие, что сковывали реки до самого дна. Мы перестали выходить из хижины. Сидели у печки, грелись, играли в карты. Роберт Вир начал вести себя странно. Он просыпался ночью и говорил, что слышит голоса. Он говорил, что кто-то зовёт его по имени. Я пытался успокоить его, но он не слушал. Он сказал, что ему нужно найти источник. Что он должен понять. Через несколько дней он ушёл. Мы искали его два дня, но не нашли. Следы обрывались у края каньона. Мы решили, что он сорвался вниз. Мы вернулись в хижину и продолжили ждать весны. Я не знаю, был ли он прав. Может быть, он действительно что-то слышал. Может быть, он нашёл то, что искал. Или то, что искало его».

Запись №5. Апрель 1906 года

«Мы нашли Виру через месяц. Он сидел на камне у входа в пещеру, которую мы не заметили раньше. Он был мёртв. Тело уже начало разлагаться. Головы не было. Она лежала отдельно — на камне рядом с ним, как будто кто-то положил её туда. Его глаза были открыты. Стеклянные, пустые. Я смотрел на него и чувствовал, как внутри меня

что-то ломается. Я думал, что это сделали звери. Или люди. Но у него не было следов борьбы. Он просто сидел и ждал. Братья Маклеод были в шоке. Они хотели уйти. Я сказал им, что мы должны остаться. Что мы должны найти золото. Что мы не можем уйти с пустыми руками. Они согласились. Я не знаю, кто из нас был более безумен».

Запись №6. Август 1906 года

«Мы нашли золото. Много золота. Вилли был вне себя от радости. Он говорил, что мы разбогатеем, что построим дома, что купим земли. Он не знал, что мы уже не можем уйти. Лес держал нас. Каждый раз, когда мы пытались уйти по реке, мы возвращались к тому же месту. Карты не работали. Компас вращался как бешеный. Мы заблудились в собственном лагере. Фрэнк начал пить. Вилли стал агрессивным. Они ссорились каждый день. Я сидел в своей хижине и писал дневник. Я знал, что мы умрём здесь. Вопрос был только в том, когда и как».

Запись №7. Сентябрь 1906 года

«Я слышал его снова. Голос. Теперь он звучал как голос моей матери. Она умерла, когда мне было десять. Но я слышал её. Она звала меня в лес. Я не мог сопротивляться. Я вышел из хижины и пошёл на голос. Туман расступался передо мной. Я шёл, и я знал, что иду на смерть. Я видел тени между деревьями. У них не было лиц. Они смотрели на

меня пустыми глазницами. Я дошёл до пещеры. Из неё исходил свет. Свет, который не был светом. Свет, который был страхом. Я вошёл внутрь. Я не могу описать то, что я видел внутри. Я могу только сказать: правда страшнее, чем любой страх. Теперь я знаю, почему люди исчезают. Теперь я знаю, почему головы находят отдельно. Они не были убиты. Они были... взяты. Я вышел из пещеры. И я уже не был собой. Я стал другим. Я чувствую этот лес каждой клеткой своего тела. Я слышу его мысли. Я вижу его память».

Запись №8. Октябрь 1906 года

«Я вернулся в хижину. Вилли и Фрэнк были мертвы. Они лежали в своих спальных мешках, оба без голов. Ружья были рядом, как будто они пытались защититься. Их головы я так и не нашёл. Я не мог их похоронить — земля уже замёрзла, и у меня не было сил копать. Я оставил их там, где они лежали. Я взял только их вещи — часы Вилли, нож Фрэнка, несколько золотых самородков. Снаружи я вырезал их имена на дереве: Фрэнк и Вилли Маклеод, 1905. Я знал, что когда-нибудь кто-то найдёт эту хижину. И они узнают, что эти люди были здесь. Что они существовали».

Запись №9. 1907 год

«Я остался в хижине. Я ждал. Я не знал, кого я жду, но я знал, что кто-то придёт. Через год я увидел первую поисковую группу. Они искали братьев Маклеод и того странно-

го инженера, который был с ними. Я спрятался в лесу и наблюдал за ними. Я хотел выйти, предупредить их, сказать им правду. Но я знал, что они не поверят. Они никогда не верят. Они смеются надо мной. А потом они уходят в лес. И они не возвращаются».

Запись №10. 1917 год

«Сегодня я увидел нового человека. Швейцарец по имени Мартин Йоргенсон. Он искал золото. Он построил хижину недалеко от моей. Я наблюдал за ним. Он был жадным, но не глупым. Он писал письма домой, говорил, что "нашёл богатую жилу". Я знал, что это конец для него. Лес не любит жадных. Лес забирает их первыми. Через несколько недель я нашёл его тело. Он лежал у входа в пещеру, без головы. Его хижина была сожжена дотла. Я не трогал тело — я знал, что его найдут. Я оставил его там и ушёл».

Запись №11. 1927 год

«Ещё один. На этот раз его называли "Юкон" Фишер. Он скрывался здесь от полиции. Говорили, что он убил человека на Юконе. Он тоже искал золото. Он нашёл его, я думаю. Он тратил золотые самородки в местных магазинах, привлекая к себе внимание. Я предупреждал его. Я сказал ему, что лес не прощает. Он смеялся надо мной. Через месяц я нашёл его тело у ручья Беннет, недалеко от того места, где я оставил братьев Маклеод. Без головы. Я оставил его

там. Взял только золото, которое было с ним. Оно лежит в мешке под полом моей хижины».

Запись №12. 1931 год

«Фил Пауэрс. Ещё один. Его тело нашли в сгоревшей хижине. Полиция сказала, что это была "неисправная печная труба". Я знаю правду. Я видел его за несколько дней до этого. Он был напуган. Он говорил, что слышал голос. Голос, который звал его по имени. Я сказал ему уходить. Он не послушал. Теперь он мёртв. Я не трогал его тело. Полиция сама его забрала».

Запись №13. 1945 год

«Эрнест Савард. Нашли в спальном мешке. Без головы. Полиция говорит о диких зверях. Я знаю, что это не звери. Это лес. Лес забирает тех, кто слишком долго остаётся здесь. Тех, кто слышит зов. Тех, кто идёт на него. Я не трогал его тело. Я просто стоял в лесу и смотрел, как его забирают. Они ничего не поняли. Они не знают правды».

Запись №14. 1962 год

«Сегодня я слышал самолёт. Впервые за много лет. Он пролетел над Долиной. Я знал — он упадёт. Они всегда падают. Сначала самолёты. Потом люди. Я видел, как он кружил над каньоном, а потом исчез за горами. Через несколько дней я нашёл обломки. Тела пилотов были в кабине. Все

погибли. Кроме одного. Молодой человек, исследователь. Его звали Генри. Генри Бассе. Он был жив, но он уже слышал зов. Я привёл его в хижину. Я дал ему дневник. Я сказал ему правду. Он не поверил. Он ушёл в лес. Он не вернулся. Я нашёл его тело через две недели. Он лежал у входа в пещеру. Без головы. Я оставил его там. Я знал, что его найдут — он был известным человеком. Его тело забрали через несколько дней».

Запись №15. 1965 год

«Они пришли снова. Экспедиция из двух шведов и одного немца. Я предупреждал их. Они смеялись. Они ушли в лес. И они не вернулись. Я нашёл их через месяц. Они сидели на пнях. Без голов. Я оставил их там. Я не трогал их. Я знал, что рано или поздно кто-то их найдёт».

Запись №16. 1978 год

«Сегодня я слышал голоса по радиации. Группа исследователей под руководством Хенка Мортимера. Они думали, что современное оборудование спасёт их. Они ошибались. Лес не заботит техника. Лес забирает всех. Я слышал, как они кричали. Один из них сказал: "Из скалы выходит пустота! Это ужасно!". Потом тишина. Я пошёл на место их лагеря. Ничего не было. Ни палаток, ни людей. Только следы. И запах. Запах страха. Я знаю, что лес забрал их всех. Я не нашёл их тел. Они просто исчезли».

Запись №17. 1997 год

«Они пришли на бронированных машинах. У них были самые современные приборы. Они думали, что они неуязвимы. Я стоял в лесу и смотрел на них. Я видел, как туман накрывает их лагерь. Я слышал, как они кричали. Потом тишина. Когда туман рассеялся, их не было. Ни машин, ни приборов, ни людей. Только пустота. Лес забрал их всех. Никто не нашёл их тел. Они исчезли навсегда».

Запись №18. 2000 год

«Группа альпинистов. Они видели его. Сасквоча. Или то, что они приняли за него. Я знаю правду. Это был не сасквоч. Это была тень. Та, что живёт в пещере. Та, что зовёт людей. Альпинисты ушли. Они рассказали свою историю. Никто не поверил им. Но я знаю. Я всегда знаю. Я не трогал их. Они ушли сами».

Запись №19. 2005 год

«Сегодня я слышал самолёт. Он упал недалеко от хижины. Я пошёл туда. Все погибли. Все, кроме одного. Молодой человек, журналист. Его зовут Дэниел. Он был жив. Я привёл его в хижину. Он спал у печки. Я дал ему дневник, который он нашёл в хижине. Он не знает, что я положил его туда много лет назад, чтобы кто-то прочитал его. Он прочитал. Он слышал зов. Он вернётся».

Запись №20. Неизвестная дата (последняя)

«Я устал. Я хочу уйти. Но я не могу. Я — часть этого места. Я — его голос. Я — его страж. Я буду здесь, пока кто-то не займёт моё место. Я жду. Я всегда жду. Дэниел вернётся. Я знаю это. Он вернётся, чтобы занять моё место. Тогда я наконец смогу уйти. Но я не знаю, что ждёт меня там, за пределами этого леса. Может быть, ничего. Может быть, тишина. Может быть, покой. Я готов ко всему».

Глава 1. Падение

Из дневника Томаса Уайта, 1905 год:

«Сегодня я слышал голос. Он пришёл не из леса. Он пришёл изнутри. Он звал меня по имени голосом моей мёртвой матери. Я не пошёл. Я сидел в хижине и держался за печку, пока она не остыла. Но я знаю: он вернётся. Он всегда возвращается. И однажды я пойду».

Дэниел Коул сидел в кресле и смотрел в окно. За иллюминатором простиралась бесконечная зелень — та самая, которую он видел только на картинках и в документальных фильмах о Канаде. Он знал, что Британская Колумбия — это много леса. Но чтобы настолько. Деревья, деревья, деревья — до самого горизонта, без единого разрыва. Только изредка

серебристые нити рек, которые вились между холмами, как змеи, и маленькие озёра, похожие на разбитые зеркала. Он прижался лбом к холодному стеклу, пытаясь разглядеть хоть какие-то признаки человеческого присутствия, но их не было. Только дикая природа, которая существовала здесь задолго до того, как первые европейцы ступили на этот континент. И которая, вероятно, будет существовать ещё долго после того, как все они исчезнут.

Он не должен был быть здесь. Месяц назад он сидел в своём офисе в Ванкувере, пил остывший кофе и смотрел на бесконечные письма в почтовом ящике. Работа в небольшом интернет-издании, посвящённом экологии и путешествиям, уже не приносила ему никакого удовлетворения. Он писал о том, о чём не хотел писать. Он ездил туда, куда не хотел ездить. Он чувствовал, что его карьера, которая начиналась так ярко, с громкими статьями о политических скандалах и социальных проблемах, превратилась в рутину — в бесконечную вереницу пресс-релизов и скучных отчётов.

Ему нужен был глоток свежего воздуха. Нужно было что-то, что вытащит его из этой колеи. И когда редактор позвонил и сказал: «Слушай, есть тема. Лесорубы на севере Британской Колумбии. Там, в глуши, есть посёлок, где люди живут на границе с дикой природой. Пишут, что там происходят странные вещи. Не хочешь съездить, посмотреть? Сделай репортаж, какой-нибудь мрачный, атмосферный. Люди любят это читать», — Дэниел согласился, даже не спросив

подробностей.

Теперь он сидел в этом маленьком самолёте, который, казалось, держался на честном слове и молитвах пилота. Рядом с ним, на соседнем кресле, дремал пожилой мужчина — лесной инспектор по имени Грегори. Его форменная куртка была заляпана засохшей грязью, а ботинки, стоящие у ног, выглядели так, будто их носили десять лет подряд. Дэниел попытался заговорить с ним в начале полёта, но Грегори оказался неразговорчивым. Он отвечал односложно, смотрел в окно и время от времени хмурился, как будто видел внизу что-то, что его беспокоило. Дэниел списал это на возраст и усталость.

На заднем сиденье сидели двое туристов. Дэниел слышал их говор — немецкий, с лёгким баварским акцентом. Они были молодыми, лет двадцать пять, с яркими рюкзаками и туристическими палками. Они собирались в поход к каньону Наханни, о котором много слышали. Дэниел слышал, как они говорили о своём маршруте, о том, как они с нетерпением ждут приключений. Они смеялись и шутили, совершенно не представляя, что их ждёт.

И пилот. Его звали Сэм. Он был грузным мужчиной с седой бородой и красными, уставшими глазами. Он выглядел так, будто последние двадцать лет провёл в этом кресле, глядя на бесконечные леса. Когда Дэниел спросил, сколько он летает над этими местами, Сэм усмехнулся и сказал: «Столько, сколько ты живёшь, сынок. Я видел здесь такое, что тебе

и не снилось».

— Что, например? — спросил Дэниел, пытаясь разговаривать с ним.

Сэм помедлил, глядя на приборную панель, а потом повернулся к нему. Его глаза стали серьёзными, почти злыми.

— Ты слышал когда-нибудь о Долине Безголовых? — спросил он.

Дэниел нахмурился. Название показалось ему странным и неуместным для современного мира. Казалось, что такие вещи остались где-то в старых легендах, в историях о золотоискателях и индейских проклятиях.

— Что-то слышал, — ответил он осторожно. — Говорят, там пропадают люди. Что-то про золотоискателей в прошлом веке. Но я не знаю подробностей.

— Конечно, не знаешь, — сказал Сэм почти с презрением. — Вы все такие. Приезжаете сюда, ищете приключений, смотрите на карты, читаете туристические брошюры. А правды никто не знает. И никто не хочет знать.

Он отвернулся и снова уставился вперёд. Дэниел почувствовал, как внутри закипает раздражение. Он не любил, когда с ним говорили как с ребёнком. Он хотел задать ещё один вопрос, но самолёт тряхнуло, и слова застряли у него в горле.

Сначала это было едва заметно — лёгкая вибрация, которая пробежала по корпусу. Потом она усилилась. Мотор закашлял, издавая звук, похожий на кашель старого человека. Дэниел вцепился в подлокотник и посмотрел на пилота. Тот

нахмурился, начал нажимать на какие-то кнопки и переключатели на панели, бормоча себе под нос что-то неразборчивое.

— Сэм? — спросил Дэниел, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Что происходит?

Пилот не ответил. Он сосредоточенно смотрел на приборы, нажимал на рычаги, переключал тумблеры. Мотор закашлял снова, потом издал звук, похожий на предсмертный хрип, и замолчал.

— Что... — начал было Дэниел, но не договорил.

— Тихо! — рявкнул Сэм. — Я пытаюсь думать!

Сзади послышался испуганный голос одного из туристов. Дэниел не понял, что он сказал, но по интонации было ясно — они поняли, что что-то не так. Дэниел снова посмотрел в иллюминатор. Земля была уже не внизу. Она была прямо перед ним. Деревья стремительно приближались, вырастая из зелёного ковра в отдельные стволы и кроны.

— Мы падаем! — закричал Грегори, просыпаясь и хватая сидение обеими руками. — Мы падаем!

— Пристегнитесь! — крикнул пилот, пытаясь выровнять самолёт. — Я попробую посадить нас на воду! Там внизу река!

Дэниел пристегнул ремень, насколько это было возможно, и вжался в кресло. Он смотрел вперёд и видел, как мир сходит с ума. Самолёт кренился то в одну сторону, то в другую. Ветки деревьев били по корпусу, задевая иллюминато-

ры. Звук был оглушительным — треск металла, визг ломающегося дерева, крики. Кто-то молился. Кто-то плакал. Дэниел не знал, кто из них кто. Он слышал только общий гул ужаса и собственное сердце, которое колотилось где-то в горле.

А потом был удар.

Он почувствовал, как его швырнуло вперёд, как ремень врезался в грудь, перекрывая дыхание. Голова ударилась о что-то твёрдое, и мир взорвался белым светом, а потом потемнел. Он почувствовал, как теряет сознание, как уплывает куда-то в темноту, где нет ни боли, ни звуков, ни страха.

И там, в этой темноте, он услышал голос.

Сначала он подумал, что это его собственная мысль, эхо сознания, которое пытается удержать его в этом мире. Но голос был не его. Он был чужим, тёплым, почти знакомым. Он звал его по имени.

— Дэниел...

И в этом голосе было что-то, что заставило его хотеть открыть глаза. Хотеть встать. Хотеть идти.

— Дэниел, я здесь... иди ко мне...

Он попытался пошевелиться, но тело не слушалось. Он был где-то в темноте, плавал в ней, как в тёплой воде, и голос манил его вперёд, в неизвестность, в место, где не было боли.

— Иди... иди... не бойся...

Он почти пошёл. Он почти поддался. Но что-то остановило его. Что-то сильное, инстинктивное, что жило глубоко внутри. Оно сказала ему: «Не иди. Это не твой голос. Ты не

знаешь, кто это».

И он остался. Он остался в темноте, ожидая, когда она станет светом. Ожидая, когда он проснётся.

И он проснулся.

Он лежал на земле, чувствуя, как холод проникает сквозь куртку. Болело всё — голова, плечо, нога, рёбра. Каждое движение отзывалось острой болью. Он открыл глаза. Вокруг был лес. Не тот, что он видел с самолёта, прекрасный и бесконечный. Другой лес — тёмный, мокрый, враждебный. Деревья стояли так близко друг к другу, что между ними едва можно было протиснуться. Ветки свисали, как пальцы, готовые схватить его за плечи. Свет, который пробивался сквозь кроны, был тусклым, зеленоватым, как свет под водой.

Он попытался встать. Нога подвернулась, и он упал обратно, вскрикнув от боли. Но он заставил себя подняться, опираясь на ближайшее дерево. Он осмотрел себя. Куртка была разорвана, на руке глубокая царапина, из которой сочилась кровь. На боку огромный синяк, который уже начинал темнеть. Но он был жив.

Он оглянулся и увидел обломки самолёта. Они лежали метрах в двадцати от него, искорёженные, разорванные на части. Крыло было сломано, фюзеляж расколот, как скорлупа ореха. Одно из кресел валялось отдельно, в нескольких метрах, сломанное пополам. Дэниел пошёл к обломкам, спотыкаясь о корни и ветки.

Внутри самолёта было тихо. Слишком тихо. Он подошёл к кабине пилота и заглянул внутрь. Сэм сидел на своём месте, склонив голову набок, с открытыми глазами, которые смотрели куда-то в пустоту. На лбу была глубокая рана, уже запёкшаяся. Дэниел дотронулся до его шеи, пытаясь нащупать пульс. Кожа была холодной, мёртвой, как у рыбы, которую достали из воды.

— Чёрт, — прошептал Дэниел. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Он отошёл назад и наткнулся на тело Грегори. Инспектор лежал на полу, зажатый между сиденьями. Его лицо было покрыто кровью, но глаза тоже были открыты. Дэниел не стал проверять пульс. Он знал, что не увидит ничего другого.

Двое туристов были сзади. Один из них был мёртв — его тело было изогнуто в неестественной позе, вывернуто, как тряпичная кукла. Второй, как ни странно, подавал признаки жизни. Он тихо стонал, его глаза были закрыты, изо рта текла тонкая струйка крови.

— Эй, — сказал Дэниел, склоняясь над ним. — Эй, ты слышишь меня?

Турист открыл глаза и посмотрел на него. В них был страх. Чистый животный страх, который Дэниел никогда не видел ни в одном человеке.

— Hilfe... — прошептал турист. — Bitte... hilf mir...

— Я не понимаю по-немецки, — сказал Дэниел. — Говори по-английски.

Но турист, казалось, не понимал его. Он продолжал бор-

мотать что-то на своём языке, а его глаза становились всё более безумными. Он пытался встать, но ноги не слушались его. Он кричал, его голос переходил в визг, в истерический, животный вопль, который, казалось, исходил из глубины его души.

Дэниел отшатнулся. Он не знал, что делать. У него не было медикаментов, не было связи, не было ничего, кроме страха, который заполнял его изнутри.

— Тихо, — сказал он, пытаясь успокоить туриста. — Тихо, ты слышишь? Всё будет хорошо. Мы выберемся.

Но турист не слышал его. Он продолжал кричать, а его руки шарили по земле, как будто он искал что-то, что могло бы его спасти. Дэниел стоял и смотрел на него, и чувствовал, как внутри него нарастает паника. Он должен был что-то сделать. Но он не знал, что.

Турист затих так же внезапно, как и начал кричать. Его тело обмякло, голова упала набок, и Дэниел понял, что он умер. Просто умер, прямо у него на глазах, от шока, от потери крови, от страха. Он стоял над его телом, смотрел на него и чувствовал, как его собственный разум начинает трескаться по краям.

— Выходи, — прошептал он себе. — Выходи из самолёта. Ты не должен здесь оставаться.

Он вылез из обломков, чувствуя, как ветки царапают его лицо и руки. Он вышел на поляну и остановился. Лес был вокруг него. Бесконечный, зелёный, молчаливый. Он смот-

рел на деревья и не знал, куда идти. У него не было ни карты, ни компаса, ни ориентиров. Только он, его боль и тишина, которая давила на уши.

Тишина. Он только сейчас заметил, что её вообще нет. В обычном лесу всегда есть звуки — пение птиц, шелест листьев, треск веток. Но здесь не было ничего. Ни звука. Ни движения. Только он, стоящий посреди этого безмолвия, и чувство, что за ним кто-то наблюдает.

Он обернулся. Никого. Только деревья. Только тени между ними.

— Эй! — крикнул он, пытаясь нарушить тишину. — Есть кто-нибудь?!

Голос ударился о деревья и затих. Эхо не вернулось. Его проглотила тишина.

И вдруг он услышал его. Голос из леса. Тонкий, далёкий, почти неразличимый. Он шёл откуда-то из глубины, из-за деревьев, из тумана, который начинал сгущаться между стволами.

— Дэниел...

Он вздрогнул. Сердце пропустило удар, потом забилось с такой силой, что он почувствовал пульс в горле, в висках, в кончиках пальцев.

— Кто здесь? — крикнул он, оглядываясь по сторонам.

Голос не ответил. Он просто повторил его имя, так же мягко, так же нежно, так же пугающе.

— Дэниел... иди ко мне...

Он сделал шаг в сторону голоса, сам не понимая, зачем. Ноги двигались сами, как будто им было всё равно, что думает голова. Он сделал ещё один шаг. Потом ещё один. Лес расступался перед ним, деревья двигались в стороны, как будто давали ему дорогу. Туман становился гуще, и он почти не видел, куда идёт.

Он шёл, и голос вёл его. Он звал его по имени, повторяя его снова и снова, как мантру, как заклинание. Дэниел чувствовал, что не может остановиться. Он шёл, спотыкаясь о корни, цепляясь за ветки, и голос всё звал и звал.

И вдруг он увидел её. Силуэт в тумане. Женщина в белом платье, с распущенными волосами, стоящая у старого дерева. Она протягивала к нему руку.

— Дэниел... я здесь...

Он подошёл ближе. Он почти дошёл до неё. Он протянул руку, чтобы коснуться её. И в этот момент он споткнулся о корень и упал лицом в мокрую землю.

Он лежал на земле, чувствуя, как грязь забивается в рот, как холод проникает сквозь куртку. Он поднял голову. Силуэт исчез. Туман стал реже. Впереди, в конце поляны, он увидел маленькую тёмную точку, которая не была деревом. Он протёр глаза. Это была хижина.

Дэниел встал, отряхнул грязь с лица и пошёл к ней. Хижина была старой, почти развалившейся. Её стены почернели от времени, крыша местами провалилась, дверь висела на одной петле. Но она была. Убежище в этом бесконечном ле-

су.

Он толкнул дверь и вошёл внутрь.

Хижина оказалась маленькой, но внутри было сухо, и это казалось чудом после влажного, пропитанного туманом леса. Дэниел остановился на пороге, давая глазам привыкнуть к полумраку. Единственное окно было почти полностью затянато паутиной и пылью, и сквозь него просачивался лишь слабый, призрачный свет. Воздух был тяжёлым, спёртым, пахло старой древесиной, сухими травами и чем-то металлическим — возможно, ржавчиной, которая разъедала старую печку в углу. Он закрыл за собой дверь, и в хижине стало почти темно.

Он постоял так несколько секунд, прислушиваясь к собственному дыханию. Тишина давила на уши. Снаружи не доносилось ни звука — ни ветра, ни треска веток, ни птиц. Только тягучая, липкая тишина, которая, казалось, имела вес. Дэниел почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он тряхнул головой, прогоняя навязчивое ощущение, что за ним наблюдают.

— Просто хижина, — пробормотал он. — Просто старая хижина. Здесь есть крыша. Здесь сухо. Это хорошо.

Он начал осматривать помещение. Вдоль стен тянулись полки, на которых лежали потёртые книги, покрытые слоем пыли. На одной из полок стояла керосиновая лампа — старая, с закопчённым стеклом, но, судя по виду, вполне рабочая. Рядом с ней лежала коробочка спичек. Дэниел взял спич-

ки, чиркнул о шершавый бок коробки, и язык пламени рас-сеял тьму.

Он зажёл лампу. Жёлтый, дрожащий свет залил хижину, выхватывая из полумрака детали. На столе стояла кружка, в которой уже давно засохли остатки кофе. Рядом лежала ржавая ложка и потрёпанная тетрадь в кожаном переплёте. На стене висела старая винтовка — явно антикварная, с длинным стволом и деревянным прикладом, потрескавшимся от времени. В углу стоял топор. Ржавый, но всё ещё острый.

Дэниел подошёл к столу и провёл пальцем по его поверхности. На дереве остался чёткий след. Пыль здесь была слишком толстой. Никто не заходил в эту хижину уже много лет. Может быть, десятилетий.

Он сел на стул, который жалобно скрипнул под его весом, и взял в руки тетрадь. Обложка была тёплой на ощупь — или ему просто показалось? Он провёл по ней пальцами, чувствуя шероховатость кожи и вдавленные буквы на корешке. Дневник, понял он. Это чей-то дневник. Он аккуратно раскрыл его. Страницы пожелтели, местами осыпались по краям, но почерк был разборчивым — аккуратным, старомодным, с завитушками, которые давно вышли из употребления.

«Дневник Томаса Уайта, — прочитал он. — 1905 год, апрель. Я заблудился. Я не знаю, как это случилось. Я шёл по старой тропе золотоискателей, но она исчезла. Лес — он дышит. Он меняется. Я сворачиваю налево — оказываюсь на том же месте. Сворачиваю направо — опять на том же

месте. Я хожу по кругу. Или лес ходит вокруг меня. Я слышу голоса. Они приходят из-за деревьев. Это не птицы, не звери. Это люди. Я слышу, как они говорят. Они зовут меня по имени. Я не знаю, как они знают моё имя. Я никому здесь не говорил его».

Дэниел перечитал этот абзац дважды. Голоса. Томас Уайт слышал голоса. Те же голоса, которые только что слышал он сам. Те же, которые звали его по имени и манили в туман.

— Это совпадение, — сказал он себе вслух. — Просто совпадение. У него был нервный срыв. Он был один в лесу, голодный, напуганный, и его разум сыграл с ним злую шутку. Это логично. Это объяснимо.

Но он не верил своим собственным словам.

Он перевернул страницу и продолжил читать. Записи Томаса Уайта становились всё более тревожными. Он писал о том, как голоса усиливались, как он начал видеть тени между деревьями. Он описывал, как однажды ночью вышел из хижины и увидел в лесу свет — не огонь, не луну, а странный, холодный свет, который исходил из-под земли. Он пошёл на него, но потом остановился, потому что понял: этот свет не приглашал его. Он предупреждал его. Он говорил ему: «Не иди сюда. Это не для тебя».

Дэниел читал дальше, и с каждым словом внутри него росло странное чувство. Он чувствовал, что этот человек — Томас Уайт — был похож на него. Он тоже был один в этом лесу. Он тоже слышал голоса. И он тоже пытался найти выход,

но не мог. Лес держал его, как держал Дэниела.

«Я не знаю, сколько я здесь, — писал Томас Уайт. — Может быть, неделя. Может быть, месяц. Лес не отпускает меня. Я пытался уйти, но всё время возвращался к хижине. Я слышу голос каждую ночь. Он стал сильнее. Он стал настойчивее. Он хочет, чтобы я пришёл к нему. Я боюсь. Я не хочу умирать. Но я чувствую, что с каждым днём я становлюсь слабее. Я не знаю, что делать».

Дэниел закрыл тетрадь и положил её на стол. Руки дрожали. Он чувствовал, как холод, который он ощущал в лесу, теперь проник внутрь него, в грудь, в живот, в самую глубину души. Он знал, что должен уйти отсюда. Он должен найти дорогу, найти людей, найти помощь. Но он также знал, что лес не отпустит его. Он чувствовал это так же ясно, как чувствовал боль в своей ноге.

Он встал и подошёл к печке. Внутри лежали сухие дрова, а рядом — старый заржавевший чайник. Дэниел достал из кармана зажигалку, которую носил с собой, и начал разводить огонь.

Это заняло больше времени, чем он думал. Дрова были сухими, но старыми, и он потратил несколько минут, пытаясь разжечь их с помощью сухой травы и коры. Когда пламя наконец занялось, он почувствовал, как тепло начало разливаться по телу. Он сел у печки, обхватив колени руками, и смотрел на огонь.

В хижине было тихо. Только дрова потрескивали, да ве-

тер иногда завывал за стенами. Дэниел чувствовал, как усталость наваливается на него, как веки тяжелеют, как тело требует отдыха. Он хотел спать. Он хотел забыться, проснуться и понять, что всё это было просто страшным сном.

Но он боялся засыпать. Он боялся, что если он закроет глаза, то снова услышит голос. Он боялся, что если он уснёт, то не проснётся. Или проснётся в другом месте. В месте, из которого нет выхода.

Он взял тетрадь Томаса Уайта и снова открыл её. Он хотел найти что-то, что дало бы ему надежду. Какой-то совет, какую-то подсказку, какую-то информацию, которая помогла бы ему выбраться. Но всё, что он находил, было только страхом. Страхом, который въелся в каждую страницу, в каждое слово, в каждую букву.

«Я пошёл на зов. Я не мог больше сопротивляться. Я слышал голос моей дочери. Её не было в живых уже десять лет. Но я слышал её. Она плакала. Она звала меня. Я не мог остаться. Я вышел из хижины и пошёл в лес. Туман расступался передо мной. Я шёл, и я знал — я иду на смерть. Я видел тени между деревьями. У них не было лиц. Они смотрели на меня пустыми глазницами. Я дошёл до пещеры. Камни были старыми, покрытыми знаками. Не английскими. Не индейскими. Другими. Древними. Из пещеры исходил свет. Он был живым. Он дышал. Он звал меня. Я вошёл. Я не могу описать то, что я видел внутри. Я могу только сказать: правда страшнее, чем любой страх. Теперь я знаю, почему

люди исчезают. Теперь я знаю, почему головы находят отдельно. Они не были убиты. Они были... взяты».

Дэниел закрыл тетрадь и положил её рядом. Он посмотрел на огонь и почувствовал, как внутри него поднимается тоска. Он думал о своих друзьях, о своей работе, о своей жизни, которая осталась там, в городе, в безопасности. Он думал о том, что всё это может остаться для него недостижимым. Что он может никогда не вернуться.

Он заснул прямо у печки, сидя на полу, прислонившись спиной к стене. Во сне ему снилось, что он идёт по лесу. Туман расступается перед ним, открывая тропу, которая ведёт к пещере. Он идёт и не может остановиться. И где-то вдалеке он слышит голос.

Но в этот раз голос был не его. Это был голос Томаса Уайта. И он говорил ему:

«Ты не уйдёшь. Ты никогда не уйдёшь. Ты — часть этого места. Ты — его голос. Ты — его страж».

Дэниел проснулся с криком. Он сидел на полу, дрожа от холода и страха. Печка почти погасла, и в хижине было темно. Он вскочил на ноги, зажёл лампу и огляделся. Никого. Только он, его страх и тетрадь Томаса Уайта, лежащая на столе, как свидетельство того, что он не сошёл с ума.

Он подошёл к столу, открыл тетрадь на последней странице, которую он прочитал, и увидел, что там появилась новая запись. Её не было раньше. Он был в этом уверен. Но теперь она была там, написанная аккуратным, старомодным

почерком:

«Я знаю, что ты читаешь это. Я знаю, что ты слышал голос. Я знаю, что ты боишься. Не бойся. Страх — это только начало. Ты должен идти. Ты должен найти пещеру. Только там ты узнаешь правду. Только там ты сможешь уйти. Или остаться навсегда. Выбор за тобой. Я жду тебя. Томас Уайт».

Дэниел смотрел на эту запись и не мог поверить своим глазам. Это было невозможно. Это не могло быть реальным. Он был один в хижине. Никто не мог войти и написать это. Но запись была здесь.

Он снова закрыл тетрадь, положил её в рюкзак и вышел из хижины. Туман рассеивался. Лес становился светлее. Он видел дорогу впереди — или ему казалось, что видел. Он пошёл на свет.

И он не оглядывался.

Глава 2. Голос в тумане

Из дневника Томаса Уайта, 1905 год:

«Я шёл три дня. Лес не кончался. Каждое дерево было похоже на другое. Каждая тропа вела в тупик. Потом я услышал плач. Я пошёл на него. Это был ребёнок. Я вышел на поляну и увидел его — он сидел на пне и плакал. Он был один. Я подошёл ближе, и он поднял голову. У него не было лица. Только гладкая кожа, как у куклы. Я побежал. И я не оглядывался».

Дэниел шёл по лесу уже несколько часов. Или, может быть, дней. Он потерял счёт времени почти сразу после того, как покинул хижину. Солнце, которое он видел сквозь туман, не двигалось по небу так, как ему казалось. Оно висело на одном месте — бледное, белое, лишённое тепла, как глаз мёртвой рыбы. Стрелки его наручных часов, которые он проверил на всякий случай, застыли на цифре 8:47. Он постучал по стеклу — ничего. Он попытался завести их — стрелки остались неподвижными. Он снял часы и посмотрел на них вблизи. Стрелки не двигались. Просто стояли на месте, как будто время в этом лесу остановилось.

— Чёрт, — прошептал он, пряча часы в карман.

Лес вокруг него был живым и мёртвым одновременно. Живым — потому что он дышал. Дэниел чувствовал это каждой клеткой своего тела. Деревья не просто стояли — они дышали, они двигались, они менялись. Он мог поклясться, что когда он отворачивался, ветки тянулись к нему, пытаясь коснуться его спины. Когда он оборачивался, они застывали на месте, делая вид, что ничего не произошло. Но Дэниел знал, что это не его воображение. Лес был живым. И он наблюдал за ним.

И мёртвым — потому что в нём не было звуков. Ни птиц, ни зверей, ни насекомых. Только иногда ветер проходил сквозь кроны, и тогда лес наполнялся тихим, протяжным стоном. Это был звук, который он никогда не слышал рань-

ше. Он не походил ни на ветер, ни на скрип деревьев. Он походил на голос — глубокий, низкий, почти нечеловеческий. И каждый раз, когда Дэниел слышал его, он останавливался и прислушивался. Но голос не повторялся. Он просто плыл по лесу, как призрак, и исчезал.

Дэниел шёл, стараясь держаться одного направления. Он ориентировался по солнцу, которое, как он надеялся, находилось на юге. Но чем дальше он шёл, тем больше сомневался, что правильно определяет стороны света. Туман не рассеивался — он сгущался, становясь плотным и влажным, как пар в бане. Дышать становилось всё труднее. Каждый вдох оставлял на губах влагу, каждый выдох превращался в облачко пара.

Он остановился, чтобы перевести дух. Вокруг стояла тишина, но она не была пустой. Она была наполнена чем-то — каким-то едва уловимым звуком, который он не мог распознать. Сначала он подумал, что это гул. Низкий, непрерывный гул, который шёл из-под земли. Он прижался ухом к мокрой земле — гул стал громче. Он проникал в его тело через уши, через кожу, через кости. Он вибрировал в груди, в голове, в кончиках пальцев.

Дэниел встал и отряхнул колени. Гул исчез, как только он поднялся. Или ему показалось? Он посмотрел на деревья — они стояли неподвижно. Но ему казалось, что они смотрят на него. Все. Каждое дерево. Каждая ветка. Каждая тень. Они смотрели на него и ждали.

— Ты просто устал, — сказал он себе, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Ты не спал, не ел, ты ранен. У тебя галлюцинации. Это пройдёт. Ты найдёшь дорогу, выйдешь к людям, и всё будет хорошо.

Он повторил эти слова несколько раз, как мантру, и двинулся дальше.

Лес менялся. Деревья становились всё выше и толще, их кроны смыкались над головой, образуя плотный зелёный шатёр, сквозь который почти не пробивался свет. Вокруг стало темно, как в сумерках. Дэниел достал фонарик из рюкзака. Узкий луч света прорезал темноту, выхватывая из мрака корни, камни, упавшие ветки. Он шёл по этому узкому коридору света, чувствуя, как тьма сжимается вокруг него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.